

Атрибуты статуса князя
Андрея Юрьевича «Боголюбского»
(элементы героического дискурса
в летописном нарративе)

Алексей С. Щавелев

*Институт всеобщей истории РАН, Москва, Россия,
alexissorel@gmail.com*

Аннотация. В статье анализируются атрибуты социального статуса князя Андрея Юрьевича (Боголюбского) в летописных известиях о нем XII в. Эти описания были основаны, видимо, на тексте «княжеского летописца» и отдельных «повестях», которые, в свою очередь, зафиксировали устные рассказы о нем людей из его окружения. Летописные нарративы о князе Андрее создавались под явным влиянием древнерусского эпического стиля и характерного для эпоса языка. В летописных текстах князь Андрей обладает целым набором материальных и нематериальных маркеров, которые показывали его особое место в древнерусском обществе: как представителя линии Рюриковичей, как потомка знаменитого Владимира Мономаха и как наследника своего отца Юрия. Основными атрибутами князя были – программирующее поведение имя, боевой конь, полученные по наследству меч и сапоги. В повествованиях эти социальные актанты не только маркировали социальную роль князя, но и как бы давали их владельцу дополнительные героические характеристики, являясь неотъемлемой частью его личности.

Ключевые слова: древнерусская литература, князь Андрей Юрьевич, Андрей Боголюбский, боевой конь, волшебный меч, программирующее имянаречение, атрибут статуса

Для цитирования: Щавелев А.С. Атрибуты статуса князя Андрея Юрьевича «Боголюбского» (элементы героического дискурса в летописном нарративе) // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2026. № 3. С. 35–46. DOI: 10.28995/2686-7249-2026-3-35-46

Status symbols of prince Andrey Yuryevich “Bogolyubsky” (elements of heroic discourse in the chronicle narrative)

Aleksei S. Shchhavelev

*Institute of World History, Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia, alexissorel@gmail.com*

Abstract. The article examines the attributes of Prince Andrey Yuryevich (Bogolyubskiy)’s social status as depicted in 12th-century chronicle accounts. These descriptions appear to have drawn from his own “prince chronicle” and separate novels that preserved oral testimonies from his inner circle. Chronicle narratives about Prince Andrey reflect the influence of the Old Rus epic style and language. In chronicle texts, the prince is endowed with a suite of tangible and intangible artifacts that underscore his exalted position in Old Rus society: his status as a Rurikid, a descendant of the renowned Vladimir Monomakh, and heir to his father, Yuriy Dolgorukiy. His principal attributes – a future-defining name, warhorse, inherited sword, and high boots – not only signify his social role but also imbue their owner with heightened heroic qualities, forming an inseparable facet of his persona.

Keywords: Old Rus’ literature, Prince Andrey Yuryevich, Andrey Bogolyubsky, warhorse, magic sword, future-defining naming, status attribute

For citation: Shchhavelev, A.S. (2026), “Status symbols of prince Andrey Yuryevich ‘Bogolyubsky’ (elements of heroic discourse in the chronicle narrative)”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies” Series*, no. 3, pp. 35–46, DOI: 10.28995/2686-7249-2026-3-35-46

Биография русского князя Андрея Юрьевича († 28/30.06.1174), традиционно обозначаемого как Андрей Боголюбский, относительно подробно изложена в древнерусских летописях, а также еще в целом ряде древнерусских текстов, поэтому о нем известно гораздо больше, чем о большинстве его современников [Карпов 2020]. История его деяний базируется на так называемых придворных «княжеских летописцах» отца Андрея Юрия Владимировича (15.05.1157) и его собственного, а также отдельных повестях, прежде всего отдельной повести о его убийстве¹. Вполне очевидно, что в

¹ Письменные памятники истории Древней Руси: Летописи. Повести. Хождения. Поучения. Жития. Послания: Аннотированный каталог-справочник / под ред. Я.Н. Щапова. СПб.: Блиц, 2003. С. 40–44, 61–65.

основу большинства имеющихся летописных известий были положены сообщения информантов-участников событий из ближнего княжеского окружения, поэтому в них встречаются совершенно уникальные детали, среди которых можно выделить целый ансамбль материальных и нематериальных атрибутов манифестации социального статуса [Щавелев 2001].

Очевидно, что от летописных текстов, повествующих о князе Андрее, невозможно ожидать полного отражения исторической реальности, точно так же в них нельзя четко отделить достоверные детали от воображаемых элементов, вставленных в рассказ с сугубо художественными целями. Однако сам факт того, что тот или другой атрибут социального статуса специально упомянут, показывает, что он, несомненно, входил в набор обязательных внешних признаков князя, на который действительно ориентировались русские князья и другие элитарии XII в. Сообщество воображаемых эпических героев было образцом для лидеров сообществ военно-политический элит Средневековья, а эпическая традиция аккумулировала и фиксировала исчезнувшие, существующие и появляющиеся социокультурные паттерны [Enright 1996; Miller 2000].

Самый первый имманентный атрибут князя – его собственное имя – Андрей². Предполагается, что это один из случаев, когда князь из линиджа Рюриковичей носил не два, а одно имя, совмещавшее функции мирского родового-княжеского и крестильного [Литвина, Успенский 2020, с. 111–174, 473–474]. Однако, несмотря на неизбежные сомнения [Карпов 2020, с. 378–379], можно полагать, что функцию княжеского имени у Андрея Юрьевича исполняло тюркское («половецкое») имя *Kutai* (есть предположение, что это искажение этимологически родственного имени *Kutan*, но оно совершенно необязательно), сохранившееся в поздней подложной грамоте XVI в. [Затилук 2008; Литвина, Успенский 2020, с. 473–474], в летописях же оно естественно не отразилось из-за своей откровенной экзотичности. Князь Андрей по матери был внуком половецкого «князя» Аепы и правнуком «князя» Осеня (Асиня). В половецком ономастике фиксируется изоморфное имени *Kutai* имя *Kunui*, носитель которого, кстати, служил дяде Андрея Мстиславу Владимировичу и держал у него «стяг» деда Андрея Владимира Всеволодовича Мономаха (Полное собрание русских летописей. Т. 1, стб. 239; Т. 2, стб. 229).

² Комарович В.Л. Культ рода и земли в княжеской среде XI–XIII вв. // Труды отдела древнерусской литературы Института русской литературы РАН. 1960. Т. 16. С. 84–104.

Такое вполне аутентичное княжеское тюркское имя русского князя вряд ли могло быть «изобретено» фальсификаторами XVI в., поскольку оно никак не прибавляло достоверности их грамоте-подделке, вполне можно думать, что оно было почерпнуто из какого-то более раннего текста. А вот прозвище «Боголюбский», под которым князь вошел в современную историографию, не было прижизненным и является результатом творчества позднесредневековых книжников [Горский 2020, с. 14–15]).

Совершенно не случайно князь Андрей-Китай находился в особых отношениях с неким оставшимся анонимным, видимо, высокопоставленным, половцем, который оказался единственным, кто мог остановить князя, увлекшегося атакой, и который самыми распоследними словами ругал (использованный в тексте глагол *лаяти* предполагал использование обценной лексики [Михайлин 2005, с. 331–395]) «свою дружину», состоящую из половцев, которые оставили князя одного на поле боя: «Андрѣви же гнавшю ратныѣ маломѣ не до полковѣ ихѣ, единѣ половчинѣ ять конѣ подѣ нимѣ за поводѣ и възврати, и лая дружинѣ своеи, зане бяхоуть его остави вси половцы / Андрей же гнался за <вражескими> воинами чуть ли не войска их, один половец схватил его коня за повод и вернул <его>, и ругал свою дружину, поскольку его <князя> оставили все половцы» (Полное собрание русских летописей. Т. 1, стб. 334; Т. 2, стб. 431). Примечательно, что другого князя Владимира Андреевича († 28.01.1170) не пустил в эту атаку его *кормилец*, т. е. воспитатель, следовательно, анонимный половец имел на Андрея такое же влияние, как кормилец, т. е. человек, который был мужчине-русичу зачастую ближе, чем родной отец³. Из этого эпизода видно, что князь Андрей чувствовал себя среди половцев вполне своим и те отвечали ему взаимностью.

Автор некролога князю Андрею в Киевской летописи, а значит, с большой долей вероятности, родители и, возможно, окружение князя вполне понимали значение греческого имени *Ανδρέας* (от *ἀνδρείος* – мужественный). В этом посмертном панегирике этимология княжеского имени прямо подчеркивается: «Отъ Бога побѣдныи вѣнѣцъ <вс>приялъ еси княже Андрѣю мужеству тѣзоимените / От Бога победный венец принял ты, князь Андрей, соименный Мужеству» (Полное собрание русских летописей. Т. 2, с. 584). Концепт *мужества* [Кагарлицкий 2010] является лейтмотивом в летописных рассказах об этом князе. В рассказе о его счастливом

³ Гарданов В.К. Кормильство в Древней Руси (К вопросу о пережитках родового строя в феодальной Руси IX–XIII вв.) // Советская этнография. 1959. № 6. С. 43–59.

возвращения из боя на раненом коне воины его отца Юрия Владимировича Долгорукого хвалят его мужество: «И мужи отъни похвалу ему даша, велику зане мужьскы створи паче бывшихъ всихъ / И мужи <его> отца похвалили его, поскольку мужественно вел себя, более <мужественно>, чем все бывшие <в этом бою>» (Полное собрание русских летописей. Т. 1, стб. 325; Т. 2, стб. 390–391). В его некрологе подчеркивалось, что он обладал «умом и мужеством»: «моужьство и оумъ в немъ живяше» (Полное собрание русских летописей. Т. 2, стб. 583). Таким образом, атрибутивное имя Андрей само по себе должно было предопределить характер его носителя и повлиять на ожидания определенного типа поведения от его носителя у референтной группы, которую в данном случае составляли старшие мужчины, служащие его отцу.

Имя в значительной степени предопределяло второй важнейший атрибут князя – его *небесных покровителей*, которые были *трансцендентальными медиаторами* между ним и Богом. В честь какого именно святого по имени Андрей (Первозванного, Критского, Стратилата, Юродивого) был назван князь, не ясно [Литвина, Успенский 2020, с. 474]. Однако князь вполне мог всех святых с этим именем числить своими тезками-покровителями, а поскольку из всех их с военным делом был связан только Андрей Стратилат, поэтому, возможно, именно он и воспринимался как непосредственный защитник и помощник на войне.

А в ходе боевых действий 8 февраля в день Федора Стратилата князь Андрей в критической ситуации обратился к этому святому: «и призва на помочь собѣ с(вя)т(а)го м(оу)ч(ени)ка Феодора и по вѣрѣ его избави Б(ог)ъ и с(вя)тыи Феодоръ без вреда и быс(ть) бо памят(ь) с(вята)го Феодора въ тѣ д(е)нь» (Полное собрание русских летописей. Т. 1, стб. 325; Т. 2, стб. 390). Конечно, ключевой причиной этого обращения именно к св. Феодору была календарная символика, которая была тесно связана с восприятием удачи на войне [Лаушкин 2019], а также профессия святого воина Феодора, который помогал именно на войне [Walter 2003], но, возможно, в этом случае в представлениях князя Андрея Феодор Стратилат пришел ему на помощь, в том числе, и как тезке своего «коллеги» Андрея Стратилата.

Второй группой покровителей-медиаторов князя были его ушедшие в мир иной предки и его родители [Mikhailova 2023; Жежа 2025]. Семье Андрея Боголюбского идея о том, что предки-князья, прежде всего дед Андрея Владимир Всеволодович Мономах, молятся за своих потомков, была особенно близка [Жежа 2025, с. 131]. Князь Андрей спасался от опасностей в боях с помощью молитвы своего деда Владимира Всеволодовича Мономаха («м(о)л(и)твую

деда своего»), своих отца и матери («м(о)л(и)твою родителю своему») и, видимо, всех своих предков-«прародителей» («м(о)л(и)твою родителю своихъ») (Полное собрание русских летописей. Т. 1, стб. 333–324; Т. 2, стб. 432, 438),

Третьим важнейшим атрибутом князя является его *боевой конь* [Щавелев 2025]. В битве у Луцка Андрей Юрьевич атаковал пеший отряд противников, однако в ходе боя он оказался среди врагов лишь с двумя младшими спутниками. Когда он пытался отбиться и спастись, но «ятъ бо бѣ двѣма копьема подѣ нимъ конь, а третимъ в переднии лукъ [въ] сѣделныи – поскольку был настигнут двумя копьями под ним конь, а третьим <поражен> в переднюю седельную луку». Один из двух спутников князя погиб («единъ же отъ дѣтскою тою оубыень бысть ту с нимъ бывшею»), но сам князь и второй спутник спаслись. Княжеский конь вынес седока, но потом умер от ран: «Конь же его язвень велми оунесь господина своего <и> оумре». В награду за свое спасение: «князь же Андрѣи, жалуя комоньства его, повелѣ и погresti надѣ Стыремъ – князь же Андрей, награждая его комоньство (или жалея о его комоньстве. – А. Щ.), повелел его погresti над <рекой> Стырь» (Полное собрание русских летописей. Т. 1, стб. 324–325; Т. 2, стб. 390–391). Это уникальное для древнерусской литературы сообщение об индивидуальном захоронении коня [Щавелев 2025]. Слово сочетание «жалуя комоньства его» можно интерпретировать либо как формулу «пожалования» престижным погребением, либо понять так, что князь очень жалел об особых качествах своего погибшего коня. Если принять первую версию, то конь выступает как «дружинник» князя, условного говоря, как «вассал», которого «сюзерен» посмертно награждает за героизм. Если вторую – конь выступает как «друг», с которым его хозяин-князь сильно эмоционально связан и гибель которого оплакивает.

Концепт *комоньство* произведен от слова *комонь* по модели, по которой изоморфное понятие *мужество* произведено от лексемы *мужь*. Мужество это – квинтэссенция психотипа и психосоматики настоящего мужчины, совокупность психических и физических качеств *мужчины*. Понятие *комоньство*, таким образом, это квинтэссенция психических и физических качеств боевого коня – *комоня* [Щавелев 2025]. Следует обратить внимание, что лексема *комонь* обозначала в древнерусской литературе только боевых коней с исключительными качествами, это было слово высокого стиля военной («дружинной») лексики [Пичхадзе 2016, с. 614]. Третьим изоморфным термином в древнерусских текстах, возможно, является *къметьство*, которое обозначало либо собирательное *воинство* [Пичхадзе 2016, с. 613], либо опять же квинтэссенцию психотипа и

психосоматики воина – *кмета* (Полное собрание русских летописей. Т. 2, стб. 416).

В летописных описаниях деяний князя Андрея есть описание похожей, но иначе сложившейся боевой ситуации: «Тогда <же> бодоша конь подь нимъ в ноздри <и> конь же нача соватися подь нимъ и шеломя сь него слетѣ </спаде> и щить <на немъ> от<т>оргоша – Тогда же ударили коня под ним в ноздри и конь начал метаться под ним и шлем с него слетел (упал) и щит <им> был отброшен» (Полное собрание русских летописей. Т. 1, стб. 334; Т. 2, стб. 438). Князь Андрей спасся, но этот конь после удара в голову стал метаться под седоком, т. е. не проявил *комоньства*, а соответственно не был и награжден владельцем.

Наконец, четвертый атрибут князя – *меч*. Главная особенность меча как вида оружия – его *монофункциональность*. Меч создается и может использоваться только для нанесения ран и убийства, причем, прежде всего убийства людей. Его нельзя применить в хозяйственных делах (в отличие от топора или ножа) и даже редко приходится использовать на охоте (в отличие от копья или лука). Именно поэтому меч становится символом *суверенитета* князя, т. е. права на высшую власть и право на убийство человека по своему усмотрению. В этом смысле не случайно цитирование в летописи фразы из «Послания к римлянам» апостола Павла (13,4): «князь бо не туне мечь носить, Б(о)жии бо слуга есть» (Полное собрание русских летописей. Т. 1, стб. 370), которая отражает суть образа князя как носителя меча, имеющего фактически божественное право убивать [Sahlins, Graeber 2017].

Князь Андрей обладал особым мечом-реликвией [Долгов 2007; Щавелев 2001] – это был меч его «предка», святого князя Бориса. Этот меч был украден у него его слугой Ан(/м)балом перед его убийством: «Бл(а)ж(е)ныи же вскочи, хотѣ взяти мечь, и не бѣ ту меча, бѣ бо томъ д(ь)ни вынялъ Ан(/м)балъ ключникъ его, то бо мечь бяше с(вя)т(а)го Бориса – Блаженный (князь) вскочил, чтобы взять меч, и не было там меча, поскольку в тот день вынул его (из ножен) ключник Ан(/м)бал, ведь это был меч святого Бориса» (Полное собрание русских летописей. Т. 1, стб. 369; Т. 2, стб. 586–587). Не исключено, что именно этот меч он обнажил («вынзе мечь свои») в битве, молясь Богу и св. Феодору (Полное собрание русских летописей. Т. 1, с. 327; Т. 2, с. 390). Если князь Андрей обнажал в битве именно меч святого Бориса, то, видимо, он именно его воспринимал как своего заступника на небесах. Св. Борис идеально совмещал все ипостаси трансцендентального княжеского покровителя – он был старшим родичем (предком), воином и святым. Меч, передаваемый по наследству, упоминается

в древнерусском переводе византийской эпической поэмы о Дигенисе Акрите «Девгениевом деянии». В ней главный герой Девгений (Дигенис Акрит) получает от своего тестя византийского «Стратига» (в тексте должность *στρατηγός* превращена в имя собственное) в качестве приданого «мечь пра́вда своего»⁴.

И, наконец, пятый атрибут князя – *сапоги*. В Львовской летописи XVI в. зафиксировано уникальное известие о вокняжении Андрея Юрьевича в Рязани, которое завершилось реваншем изгнанного было из города князя Ростислава Ярославича: «Потомъ Ростиславъ совокупя половцы поидя на Ондръя ночью, Ондръи же одва утече въ одномъ сапогѣ, а дружину его овѣхъ изби, а другия засунувъ в яму, а иные истопоша въ рецѣ – Потом Ростислав, собрав половцев, напал на Андрея ночью, Андрей же едва убежал в одном сапоге, а дружину его, одних убили, а других засунули в яму, а иных утопили в реке» (Полное собрание русских летописей. Т. 20, с. 117). Известие восходит к рязанской традиции летописания, базируясь, видимо, на местном фольклоре [Карпов 2020, с. 56–62]. Здесь, конечно, примечательна деталь *бегства в одном сапоге*. С одной стороны, это вполне бытовая подробность, с другой – очень символический для представителей древнерусской элиты момент.

В основанном на «дружинной» устной традиции известии «Повести временных лет» о походе князя Владимира Святославича († 1015) и его воеводы Добрыни Малковича *ношение сапог* представлено как признак политической независимости, самодостаточности и готовности сопротивляться обложению данью [Гимон 2021]. После успешного похода и победы над волжскими булгарами воевода Добрыня осматривает пленников и констатирует: «Съглядахъ колодникъ, оже суть вси в сапозѣхъ, имѣ дани намъ не даяти, поидемъ искать лапотниковъ – Осмотрел я пленных, и они все в сапогах, эти нам дани платить не будут, пойдем искать лапотников» (Полное собрание русских летописей. Т. 1, с. 84; Т. 2, с. 71). Таким образом, потеря сапога для русского князя являлась как бы потерей части его «суверенной самости» и превращала его из элитария в обычного «лапотника», что, как минимум, было дурным предзнаменованием.

Летописные описания деяний князя Андрея Юрьевича имеют явные совпадения с эпическими текстами не только на уровне эпической лексики [Пичхадзе 2016], но и на уровне *княжеской атрибутики* (особое имя, трансцендентальные тезки и предки-

⁴ Кузьмина В.Д. Девгениево деяние (Деяние прежних времен храбрых человек). М.: Изд. АН СССР, 1962. С. 121.

покровители, конь-товарищ в бою, меч-реликвия, полученный от предка, наконец, сапоги), все элементы которой, с одной стороны, были маркером статуса, а с другой, были неотъемлемой частью личности их носителя. Подчеркну, что в рассказах о князе Андрее фигурирует мотив *потери знакового предмета*, сначала несколько раз *коней*, потом *сапога*, а затем, накануне смерти, и *меча*. И наконец, замечу, что, судя по летописным рассказам, ему исключительно и постоянно везло как воину в битвах, но часто не везло как князю-правителю, что и привело его в конечном итоге к гибели.

Источники

- Полное собрание русских летописей. Т. I. 1997 – Полное собрание русских летописей. Т. 1: Лаврентьевская летопись. М.: Языки русской культуры, 1997. 733 с.
- Полное собрание русских летописей. Т. 2. 1998 – Полное собрание русских летописей. Т. 2: Ипатьевская летопись. М.: Языки русской культуры, 1998. 604 с.
- Полное собрание русских летописей. Т. 20. 2005 – Полное собрание русских летописей. Т. 20: Львовская летопись. М.: Языки славянской культуры, 2005. 686 с.

Литература

- Гимон 2021 – *Гимон Т.В.* Поход Владимира на Волжскую Булгарию в 985 г.: комментарий к летописной статье // Древнейшие государства Восточной Европы, 2021: Восточная Европа и мир ислама: К юбилею Т.М. Калининой / отв. ред. Е.В. Литовских, Е.А. Мельникова, Б.Е. Рашковский. М.: Восточная литература, 2021. С. 545–561.
- Горский 2020 – *Горский А.А.* О времени появления прозвищ у князей русского Средневековья // Средневековая Русь / отв. ред. А.А. Горский. М.: Индрик, 2020. Вып. 14. С. 7–26.
- Долгов 2007 – *Долгов В.В.* «Волшебные мечи» в системе религиозного мировоззрения населения Древней Руси // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 2: История. 2007. Вып. 3. С. 49–54.
- Затилук 2008 – *Затилук Я.* Грамота Андрія Боголюбського Києво-Печерському монастирю // Ruthenica. 2008. Т. 7. С. 215–235.
- Кагарлицкий 2010 – *Кагарлицкий Ю.В.* Мужество как историко-семантическая и историко-культурная проблема // Именослов: История языка, история культуры / отв. ред. Ф.Б. Успенский. СПб.: Алетейя, 2010. С. 206–227.
- Карпов 2020 – *Карпов А.Ю.* Андрей Боголюбский. М.: Молодая гвардия, 2020. 462 с. (Жизнь замечательных людей: сер. биогр.; вып. 1453).
- Кежа 2025 – *Кежа Ю.Н.* Молитвы предков за живых князей в династии Рюриковичей (XII–XIII вв.) // Новое прошлое / The New Past. 2025. № 1. С. 123–133.

- Лаушкин 2019 – *Лаушкин А.В.* «Праздничные выходы» на войну в домонгольской Руси // Древняя Русь: вопросы медиевистики. 2019. № 1 (75). С. 5–57.
- Литвина, Успенский 2020 – *Литвина А.Ф., Успенский Ф.Б.* Династический мир домонгольской Руси. СПб.: Изд-во О. Абышко, 2020. 430 с.
- Михайлин 2005 – *Михайлин В.Ю.* Тропа звериных слов: Пространственно ориентированные культурные коды в индоевропейской традиции. М.: Новое литературное обозрение, 2005. 540 с. (Научная библиотека)
- Пичхадзе 2016 – *Пичхадзе А.А.* Языковые особенности древнерусских эпических текстов // Язык: поиски, факты, гипотезы: К 100-летию со дня рождения Н.Ю. Шведовой / отв. ред. М.В. Ляпон. М.: Лексрус, 2016. С. 605–620.
- Щавелев 2001 – *Щавелев А.С.* Ритуальная манифестация власти князей Рюриковичей в Древней Руси (как образец содержательности формы в средневековой культуре) // Ритуальное пространство культуры: Материалы международного форума. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского философского об-ва, 2001. С. 219–222.
- Щавелев 2025 – *Щавелев А.С.* Братство коня и всадника: «кентаврическая» субкультура в древнерусской литературе XI–XIII вв. // История: Электронный научно-образовательный журнал. 2025. Т. 16. Вып. 4 (150). URL: <https://history.jes.su/s207987840035278-4-1/> (дата обращения: 01.02.2026).
- Enright 1996 – *Enright M.J.* Lady with a Mead Cup: Ritual, prophecy and lordship in the European warband from La Tène to the Viking Age. Dublin, Portland: Four Courts Press. 340 p.
- Mikhailova 2023 – *Mikhailova Yu.* Praying rulers, elusive clerics, and the Romano-Byzantine “Just War”: Interaction between religion and warfare in Pre-Mongol Rus // Religious rites of war beyond the Medieval West. Vol. 2: Central and Eastern Europe / ed. by R. Kotecki, J. Maciejewski, G. Leighton. Leiden; Boston: Brill, 2023. P. 3–47.
- Miller 2000 – *Miller D.A.* The epic hero. L.; Baltimore: Johns Hopkins University Press, 2000. 501 p.
- Sahlins, Graeber 2017 – *Sahlins M., Graeber D.* On kings. Chicago: HAU Books, 2017. 536 p.
- Walter 2003 – *Walter Ch.* The Warrior Saints in Byzantine art and tradition. L.; N.Y.: Routledge, 2003. 317 p.

References

- Dolgov, V.V. (2007), “ ‘Magic Swords’ in the system of religious worldview of the population of Ancient Rus”, in *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Seriya 2: Istoriya*, iss. 3, pp. 49–54.
- Enright, M.J. (1996), *Lady with a Mead Cup: Ritual, prophecy and lordship in the European warband from La Tène to the Viking Age*, Four Courts Press, Dublin, Ireland, Portland, USA.

- Gimon, T.V. (2021), "Vladimir's campaign against Volga Bulgaria in 985: Commentary on the chronicle article", in Litovskikh, E.V., Mel'nikova, E.A. and Rashkovski, B.E., eds., *Drevneishie gosudarstva Vostochnoi Evropy, 2021: Vostochnaya Evropa i mir islama: K yubileyu T.M. Kalininoi* [The Ancient states of Eastern Europe, 2021: Eastern Europe and the world of Islam: On the anniversary of T.M. Kalinina], Vostochnaya literatura, Moscow, Russia, pp. 545–561.
- Gorskii, A.A. (2020), "On the timing of nicknames among princes of the Russian Middle Ages", in Gorskii, A.A., ed., *Srednevekovaya Rus'* [Medieval Rus], iss. 14, Indrik, Moscow, Russia, pp. 7–26.
- Kagarlitskii, Yu.V. (2010), "Courage as a historical-semantic and historical-cultural problem", in Uspenskii, F.B., ed., *Imenoslov: Istoriya yazyka, istoriya kul'tury* [Name-list: History of language, history of culture], Aleteiya, Saint Petersburg, Russia, pp. 206–227.
- Karpov, A.Yu. (2020), *Andrei Bogolyubskii* [Andrei Bogolyubskii], Molodaya gvardiya, Moscow, Russia.
- Kezha, Yu.N. (2025), " 'Ancestors' prayers for living princes in the Rurikid dynasty (12th – 13th centuries)", *Novoye proshloye / The New Past*, no. 1, pp. 123–133.
- Laushkin, A.V. (2019), " 'Festive outings' to war in Pre-Mongol Rus", in *Drevnyaya Rus': voprosy medievistiki*, vol. 75, no. 1, pp. 5–57.
- Litvina, A.F. and Uspenskii, F.B. (2020), *Dinasticheskii mir domongol'skoi Rusi* [The dynastic world of Pre-Mongol Rus'], Izdatel'stvo O. Abyshko, Saint-Petersburg, Russia.
- Mikhailova, Yu. (2023), "Praying rulers, elusive clerics, and the Romano-Byzantine 'Just War': Interaction between religion and warfare in Pre-Mongol Rus", in Kotecki, R., Maciejewski, J. and Leighton, G., eds., *Religious rites of war beyond the Medieval West, vol. 2: Central and Eastern Europe*, Brill, Leiden, Netherlands, Boston, USA, pp. 3–47.
- Mikhailin, V.Yu. (2005), *Tropa zverinykh slov: Prostranstvenno orientirovannye kul'turnye kody v indoevropeiskoi traditsii* [The path of animal words. Spatially oriented cultural codes in the Indo-European tradition], Novoe literaturnoe obozrenie, Moscow, Russia. (*Nauchnaya biblioteka*)
- Miller, D.A. (2000), *The epic hero*, Hopkins University Press, London, Baltimore, UK.
- Pichkhadze, A.A. (2016), "Linguistic features of Old Russian epic texts", in Lya-pon, M.V., ed., *Yazyk: poiski, fakty, gipotezy: K 100-letiyu so dnya rozhdeniya N.Yu. Shvedovoi* [Language: Research, facts, hypotheses: On the 100th anniversary of N.Yu. Shvedova's birth], Leksrus, Moscow, Russia, pp. 605–620.
- Sahlins, M. and Graeber, D. (2017), *On kings*, HAU Books, Chicago, USA.
- Shchavelev, A.S. (2001), "Ritual manifestation of the power of the Rurikid princes in Old Rus (as an example of the meaningfulness of form in Medieval Culture)", in *Ritual'noe prostranstvo kul'tury: Materialy mezhdunarodnogo foruma* [Ritual space of culture: Proceedings of the International Forum], Izdatel'stvo Sankt-Peterburgskogo filosofskogo obshchestva, Saint Petersburg, Russia, pp. 219–222.
- Shchavelev, A.S. (2025), "Brotherhood of horse and rider: The 'Centauric' subculture in Old Russian literature of the 11th – 13th centuries", *Istoriya: Elektronnyi nauchno-*

obrazovatel'nyi zhurnal, vol. 16, iss. 4 (150), available at: <https://history.jes.su/s207987840035278-4-1/> (Accessed 11 Feb. 2026).

Walter, Ch. (2003), *The Warrior Saints in Byzantine Art and tradition*, Routledge, London, UK, New York, USA.

Zatilyuk, Ya. (2008), "Charter of Andriy Bogolyubsky to the Kiev-Pechersk monastery", *Ruthenica*, vol. 7, pp. 215–235.

Информация об авторе

Алексей С. Щавелев, доктор исторических наук, Институт всеобщей истории РАН, Москва, Россия; 119334, Москва, Россия, Ленинский пр., д. 32а; alexissorel@gmail.com

Information about the author

Aleksei S. Shchhavelev, Dr. of Sci. (History), Institute of World History, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia; 32a, Leninsky Av., Moscow, Russia, 119334; alexissorel@gmail.com